

Опубликовав видео, Ань Сяопин больше не проверял статистику просмотров — в последнее время охваты на его канале совсем не радовали. Закончив с делами, он засобирався обратно в общежитие. Уходил он неохотно, то и дело оглядываясь у калитки, и на прощание в очередной раз напомнил Цзян Тинчжоу:

— Брат, будь осторожен. Если вдруг что-то пойдёт не так, сразу звони мне.

При встрече с Ли Шуянь Цзян Тинчжоу растерялся лишь на мгновение, но, вернувшись домой, повёл себя как обычно, словно ничего не случилось. Он спокойно продолжил возиться в огороде, ещё увереннее орудуя мотыгой.

— Всё, поезжай на учёбу, — с улыбкой отозвался он. — И не переживай, ничего со мной не случится.

Эта встреча никак не нарушила его привычный уклад. На следующее утро он, как обычно, отправился завтракать на улицу Утреннего рынка.

На этой улице почти все заведения готовили отменно, за исключением разве что одной довольно посредственной чайной. Но особенно славилась лавка традиционных юнцинских слоёных лепёшек, у дверей которой в этот час было не протолкнуться. Когда подошла очередь Цзян Тинчжоу, он вдруг услышал за спиной знакомый голос:

— Тинчжоу?

Он обернулся. Перед ним действительно стояла Ли Шуянь.

Накануне им так и не удалось нормально поговорить. Сегодня она пришла одна, одетая в строгий и лаконичный деловой костюм. Посмотрев на Цзян Тинчжоу, она на секунду замялась, словно не зная, с чего начать, но всё же спросила:

— Тоже пришёл за завтраком?

Цзян Тинчжоу кивнул и повернулся к продавцу:

— Пожалуйста, две с пастой из маша, две с сахаром и кунжутом, две с зелёным луком и две с сушёной горчицей и свиной. И ещё две порции имбирного чая с красными финиками.

Забрав горячий пакет, Цзян Тинчжоу протянул половину Ли Шуянь. Она удивлённо посмотрела на угощение:

— Надо же, ты до сих пор помнишь, что я любила в школе?

Цзян Тинчжоу кивнул:

— Разве за годы за границей твои вкусы изменились?

— Как они могли измениться? — улыбнулась Ли Шуянь, заметно расслабляясь. — К заграничной еде я так и не привыкла, всё время тосковала по нашим лепёшкам.

Бережно держа тёплый пакет, она немного помялась и спросила:

— Слушай, Тинчжоу, ты ведь хорошо знаешь район сахарного завода? Не подскажешь, как пройти к восточным воротам?

— Там довольно запутанные переулки, — ответил он. — Давай я тебя провожу.

Ли Шуянь втайне на это и надеялась, но из вежливости возразила:

— Я тебя не стесню?

— Ничуть, — успокоил её Цзян Тинчжоу. — У меня сегодня полно свободного времени.

— Дядя мне рассказывал, — заговорила она, когда они пошли по улице. — Сказал, что ты уволился и переехал.

Под «дядей» она имела в виду Ли Сюя — директора Ли, который без лишних разговоров выложил пять миллионов за ту самую Императорскую обеденную чашу семейства роз. За последние годы семья Ли невероятно разбогатела, и теперь Ли Шуянь выглядела куда благополучнее, чем в школьные годы.

— Тинчжоу, я и подумать не могла, что ты станешь поваром.

Они прошли ещё немного, и она, почувствовав, что её слова могли прозвучать двусмысленно, поспешно добавила:

— Ох, я вовсе не презираю эту профессию. Просто это адский труд. Ты с таким трудом вернулся в семью... Не должен ты был так жить.

В представлении большинства работа на кухне оставалась тяжёлым и неблагодарным ремеслом. Семьи, у которых водились хоть какие-то деньги, никогда не отправляли детей учиться на повара. Даже признанные мастера своего дела, приглашаемые на государственные банкеты, — такие как великий мастер Ван, — оберегали собственных сыновей от этой участи.

— Я всё время думаю, — тихо продолжила она, — не моя ли вина в том, как всё обернулось? Вдруг то, что случилось тогда в школе, сломало тебе жизнь?

Цзян Тинчжоу шёл молча, но на этот вопрос ответил сразу и твёрдо:

— Нет.

После этого они долго шли в тишине. Прошное лежало между ними тяжёлым грузом, и ни один не знал, как к нему подступить.

Цзян Тинчжоу порой казалось, будто судьба его прокляла, а заодно и всех, кто оказывался рядом. Ань Сяопин, Ли Шуянь... Каждому, кто решался с ним сблизиться, это приносило одни неприятности.

В те годы во второй средней школе Юнцина Цзян Ю изводил его всеми возможными способами. Лу Цзяхэ, хоть и держался в стороне от открытых издевательств, своим молчаливым пренебрежением давал понять, на чьей он стороне.

Упрямый и гордый Цзян Тинчжоу совершенно не умел лавировать в лицемерной атмосфере элитной частной школы, где процветал снобизм. Однако те, кто оказывался на самом дне школьной иерархии, неизбежно тянулись друг к другу в поисках тепла и защиты. Сейчас в холёной и уверенной Ли Шуянь трудно было узнать прежнюю забитую девочку, но тогда она страдала не меньше его.

Семья Ли занималась высокорисковыми инвестициями. В то время у них ещё не было нынешних миллионов. Напротив, когда Шуянь училась в старших классах, фирма её отца оказалась на грани банкротства. Кредиторы с ножами в руках врывались прямо к ним в дом, что стало для неокрепшей психики девочки страшным потрясением.

Тогда она совсем не походила на теперешнюю красавицу. Постоянный страх перед коллекторами превратил её жизнь в кошмар. Ли Шуянь горстями пила успокоительные от повышенной тревожности, выглядела измученной и подавленной. Огромные очки в чёрной роговой оправе не могли скрыть вечные тёмные круги под глазами. Ранимая, пугливая, она почти ни с кем не разговаривала и сутками сидела, уткнувшись в учебники.

Сам Цзян Тинчжоу тогда отчаянно пытался подтянуть свою запущенную успеваемость. Нанятые репетиторы не могли сидеть с ним круглые сутки, и он решился обратиться за помощью к лучшей ученице класса — Ли Шуянь.

Поначалу она испуганно молчала и старалась обходить его стороной. Цзян Тинчжоу уже решил, что она презирает его так же, как и все остальные. Но однажды, открыв парту, он обнаружил аккуратно сложенную записку. На ней изящным девичьим почерком было подробно, шаг за шагом, расписано решение сложной задачи.

Она оказалась удивительно умной и доброй. Её объяснения по математике были настолько ясными и понятными, что превосходили лекции профессиональных педагогов.

Постепенно они сблизились и подружились. Им обоим не суждено было оставаться незаметными тенями в школьных коридорах; обоих постоянно выбирали мишенью для насмешек, и эта общая беда связала их крепче любых клятв.

Цзян Тинчжоу долго не мог понять, почему стайка местных высокомерных девиц ополчилась на тихую, скромную Ли Шуянь. Вряд ли дело было только в пошатнувшемся бизнесе её отца. Позже Шуянь сама открыла ему причину. Всё упиралось в Цзян Ли.

— Наши семьи раньше близко общались, и в детстве родители в шутку нас сосватали, — неохотно делилась она. — Конечно, в наше время это глупость, просто пустые разговоры взрослых. Он меня терпеть не может, да и мне до него дела нет. Но те девчонки, которые безуспешно бегают за Цзян Ли, почему-то решили, будто я стою у них на пути. Детский сад, честное слово.

Цзян Ли, красивый и блестящий ученик, был настоящей звездой школы. Половина девчонок тайно вздыхала по нему. Однако из-за своего ледяного характера он никого к себе не подпускал. На общем фоне Ли Шуянь действительно казалась исключением: несколько раз её привозил в школу лимузин семьи Цзян, чтобы уберечь от карауливших у дома кредиторов. Но Цзян Ли делал это неохотно, чисто ради приличия и по настоянию родителей.

Для самой же Ли Шуянь эта мнимая привилегия обернулась сущим кошмаром.

В элитной частной школе за дисциплиной следили строго, поэтому до открытых драк и увечий не доходило. Зато мелких пакостей хватало с лихвой: то тетрадь с домашней работой пропадёт, то дверь в пустую раздевалку случайно окажется запертой снаружи, то одежду в шкафчике обольют грязью. Учителя лишь разводили руками — доказать умысел в таких случаях было практически невозможно.

Но когда они с Цзян Тинчжоу стали держаться вместе, жизнь обоих заметно наладилась.

Оценки Тинчжоу поползли вверх, и школа перестала казаться ему филиалом ада. А когда к Ли Шуянь снова пытались приставать, рядом всегда оказывался тот, кто мог за неё заступиться.

Через Тинчжоу она познакомилась с Ань Сяопином. Ли Шуянь с удовольствием делилась с ним своими секретами подготовки к урокам. В том, что средненький ученик Сяопин позже сумел поступить в престижный Университет Дунцзян, была огромная заслуга его юной наставницы.

Ань Сяопин в долгу не оставался и часто баловал её местными лакомствами. Больше всего ей полюбились традиционные юнцинские слоёные лепёшки со старого рынка.

Пекарня на улице Утреннего рынка, где пекли самые вкусные лепёшки в городе, принадлежала соседям Сяопина. Он покупал их прямо из печи, бережно заворачивал в несколько слоёв бумаги и больше часа крутил педали, стремясь доставить угощение горячим. Сяопин тайком передавал свёрток через прутья боковой железной калитки школы, и они втроём, словно заговорщики, усаживались на корточки в глухом углу двора и с аппетитом уплетали их.

— Прошло столько лет, а вкус остался прежним, — вздохнула Ли Шуянь, доедая вторую лепёшку. — Сяопин всегда твердил, что они хороши только с пылу с жару. В школе у меня так и не выдалось возможности съесть их прямо у печи, и вот только сегодня наконец получилось. Правда, этот имбирный чай слишком сладкий. До твоего ему далеко.

Цзян Тинчжоу уже тогда отлично готовил. Ли Шуянь не переносила столовскую еду: во время приступов тревоги любой твёрдый кусок вставал у неё поперёк горла, отчего она исхудала так, что на неё страшно было смотреть. Тинчжоу находил любые способы, чтобы накормить подругу. Он приносил из дома термосы с домашними супами и целебными отварами — от наваристого голубиногo бульона зимой до лёгкого десерта из груш с леденцовым сахаром жарким летом. Содержимое термоса они всегда делили поровну на троих.

В школьные годы они могли за один присест уничтожить целую коробку этих небольших, размером с пол-ладони, лепёшек, запивая их домашним бульоном. Но сегодня, осилив лишь половину своей порции, Цзян Тинчжоу почувствовал, что кусок не лезет в горло.

Должно быть, покупной имбирный чай оказался слишком приторным.

— Если они тебе нравятся, возьми немного с собой, — негромко предложил он.

Восточные ворота сахарного завода находились на приличном расстоянии от уличного рынка. Дорога пешком занимала не меньше двадцати минут. Ранним утром в этих переулках почти не было прохожих, и тишину нарушал лишь мерный стук их шагов.

Если бы не та трагедия, они с Ли Шуянь наверняка остались бы близкими друзьями. Им не пришлось бы сейчас вымучивать дежурные фразы, преодолевая неловкость.

Цзян Тинчжоу так и не смог забыть тот день.

Благодаря поддержке друзей тревожность Ли Шуянь постепенно отступила. Тинчжоу и Сяопин уговорили её принять участие в национальной олимпиаде, о которой она раньше боялась даже думать.

Шуянь всегда училась блестяще и ещё в средней школе завоевала множество наград. В этот раз она превзошла саму себя: обошла даже признанного фаворита Цзян Ли и завоевала престижнейший первый приз на общенациональном уровне.

Переполненная радостью и благодарностью, Ли Шуянь решилась на признание. То было время первой юношеской влюблённости, и ей казалось совершенно естественным, что её избранником стал Цзян Тинчжоу.

И пусть окружающие шептались о его уродливом шраме на лице, она не обращала на это внимания. Шуянь искренне верила, что человека нужно ценить не за внешность, а за красоту его души.

Цзян Тинчжоу принял от неё этот нежно-розовый конверт. Но для него их отношения всегда оставались лишь чистой дружбой. Он понимал, что чувства Шуянь были скорее глубокой привязанностью и благодарностью за поддержку, но не знал, как мягко отказать, чтобы не ранить её хрупкое сердце. Разговор не заладился, возникла мучительная неловкость, и в итоге они расстались в обиде друг на друга.

Обычная подростковая размолвка. Будь у них время, через пару дней обиды улеглись бы сами собой, и всё вернулось бы на круги своя.

Но именно в те дни школа устроила торжественную церемонию в честь её победы. В актовом зале собрались учителя, ученики и приглашённые репортёры. И вот, когда Ли Шуянь поднялась на трибуну для приветственного слова, на огромном экране за её спиной вместо праздничной презентации появилось то самое письмо.

Каждая строчка её сокровенного признания была безжалостно увеличена и выставлена на всеобщее обозрение.

Рядом красовался снимок Цзян Тинчжоу — ракурс выбрали так, чтобы подчеркнуть его уродливый шрам,ставляя юношу злобным уличным хулиганом. Ниже шли фотографии, где они вдвоём шептались в уединённых уголках школьного двора. А в самом конце зазвучала аудиозапись, смонтированная так искусно, что голос казался точной копией голоса Тинчжоу.

— Да я просто развлекался, — гремел из динамиков циничный смех. — Неужели эта замарашка всерьёз думала, что достойна меня?

Всё это можно было легко опровергнуть. В самом письме не содержалось ничего предосудительного — лишь робкие и чистые девичьи чувства. На фотографиях они просто сидели рядом, без малейшего намёка на пошлость. К тому же в частной школе тайком встречались многие, и скрывать им было нечего. Зловещую аудиозапись тоже никто не смог бы верифицировать — позже эксперты доказали, что это был грубый монтаж.

В любой другой день Ли Шуянь не поддавалась бы на эту гнусную провокацию и поверила бы другу.

Но удар был нанесён в самый уязвимый момент.

Она так долго боролась за право быть нормальной. Перед ней только-только открылось блестящее будущее, она стояла под софитами как гордость школы и лучшая ученица — и в один миг превратилась в посмешище. Оглушительный хохот, прокатившийся по переполненному залу, стал для неё началом кошмара.

Для хрупкой, несовершеннолетней девочки тяжесть обрушившегося позора оказалась непосильной. Прямо на сцене у неё начался тяжелейший приступ панической атаки, приведший к полному нервному срыву.

Скандал вышел грандиозным. Ли Шуянь госпитализировали в психиатрическое отделение. Вечно занятые родители наконец осознали, в каком ужасном состоянии находится их дочь, и спешно вернулись в страну. Едва Шуянь стало немного лучше, её увезли за границу. С тех пор она не возвращалась.

Что же касается Цзян Тинчжоу, то все его попытки оправдаться тонули в глухой стене всеобщего презрения. У него не было возможности сбежать за границу — ему пришлось остаться и в одиночку нести это бремя.

И вот теперь повзрослевшая, уверенная в себе Ли Шуянь наконец могла говорить о пережитом спокойно.

— Я тогда совсем обезумела от горя, — тихо произнесла она. — В больнице я наговорила тебе столько ужасных, несправедливых вещей... Прости меня, Тинчжоу. Спустя годы я поняла, что ты ни в чём не виноват. Ты бы никогда так не поступил, у тебя просто не было причин для этого. Нас двоих кто-то жестоко подставил.

Цзян Тинчжоу не нужно было долго гадать, чьих это рук дело. Только Цзян Ю мог опуститься до такой низости, и только у него был доступ к его школьному рюкзаку, где хранилось письмо.

Ослеплённый яростью, Тинчжоу бросился на поиски сводного брата. Разумеется, разговора не получилось: слово за слово, вспыхнула драка, и Тинчжоу в ярости сломал Цзян Ю нос.

Ань Сяопин пошёл вместе с ним, надеясь удержать друга от опрометчивых шагов. Но стоило ему вмешаться, чтобы растащить дерущихся, как рослый приятель Цзян Ю — здоровяк Сюй Фэн — с силой толкнул его на землю. Разозлившись, Сяопин кинулся с кулаками в ответ. В итоге всех участников потасовки доставили в полицейский участок.

Несмотря на то, что кулаками махали все, влиятельные родственники Сюй Фэна быстро уладили вопрос, и его отпустили через полчаса. Камеры наблюдения чётко зафиксировали, что сам Цзян Ю ударов не наносил, поэтому он ушёл домой в статусе невинного пострадавшего. В камере предварительного заключения на несколько суток остались только Цзян Тинчжоу и Ань Сяопин.

Отец, Цзян Ишэн, даже слушать его не стал, лишь осыпал проклятиями, назвав ничтожеством,

способным только приносить проблемы. К счастью, матушка Цзян, Цзян Моли, в слезах бросилась за помощью к семье Лу. Как только молодой господин Лу Байюй узнал о случившемся, он спешно вернулся в страну, и благодаря заступничеству его влиятельного семейства Тинчжоу и Сяопина наконец отпустили.

Сама по себе история с вымышленным «романом» ещё могла сойти им с рук, но после драки и ареста руководство элитной школы немедленно выставило Цзян Тинчжоу за дверь.

Оценив свои шансы и проигнорировав горячие протесты Ань Сяопина, он подписал документы об отчислении и уехал в другой город — учиться на повара.

Именно тогда Цзян Тинчжоу окончательно осознал: они с Цзян Ю никогда не смогут сосуществовать мирно.

Пока он остаётся в этом городе, подобные гнусности будут повторяться снова и снова, а у него нет сил противостоять этой своре. Он будет лишь утягивать за собой тех, кто ему дорог.

К тому же, несмотря на все старания Ли Шуянь, его школьные пробелы были слишком глубокими. Выше тройки ему прыгнуть не светило. Так не лучше ли было бросить бесперспективную учёбу и заняться тем, к чему действительно лежала душа? В кулинарном ремесле для него крылся единственный шанс пробиться в жизни.

И всё же он не уберёт близких. Из-за него Ань Сяопин загремел за решётку, пропустил важные экзамены и получил строгий выговор в личное дело. Состояние Ли Шуянь резко ухудшилось, вынудив её навсегда покинуть страну. За грехи Цзян Ю расплачивались только невинные, пока виновники праздновали победу.

Долгое время Цзян Тинчжоу душила слепая обида. Он ненавидел сводного брата, ненавидел весь этот несправедливый мир и клялся себе, что рано или поздно сорвёт с Цзян Ю маску и заставит каждого причастного захлебнуться собственным ядом.

В первое время, когда он изнемогал на кухне под началом великого мастера Вана, его порой посещали страшные мысли: взять нож и просто прирезать мерзавца. Но, остыв, он понимал, насколько это глупо.

Минутный порыв не решил бы ничего, лишь погубил бы его собственную жизнь. Впереди его ждали долгие годы, и он верил, что найдёт способ поквитаться изящнее.

И сейчас, глядя на примирившуюся со своим прошлым Ли Шуянь, Цзян Тинчжоу чувствовал, что прежняя злость угасла.

— Нет, — мягко возразил он. — Моя вина в этом тоже есть. То, что я позволил украсть твоё письмо — моя оплошность.

Он ведь прекрасно знал, на что способен Цзян Ю, и обязан был спрятать конверт так, чтобы никто не смог его найти. Будь он капельку осмотрительнее, трагедии удалось бы избежать.

Дело было не в поиске виноватых. Просто этой беды могло не случиться вовсе.

— Мне не хватило ума, — добавил он с грустной улыбкой. — Если бы я тогда был хоть немного взрослее и осторожнее...

<http://bllate.org/book/19956/1995113>